

Наминация на литературную
премию имени И.А. Ефремова

АЛЕКСАНДР МАРКОВ РЕКОРДСМЕН

16+

Александр Марков

Рекордсмен

«Автор»

2020

Марков А. В.

Рекордсмен / А. В. Марков — «Автор», 2020

"Рекордсмен" - сборник рассказов, который номинировался на премию имени Ивана Ефремова за 2020 год в номинации «За выдающееся литературно-художественное произведение». Он составлен из 11 рассказов и повестей, опубликованных на протяжении последних 3-х лет в легендарных журналах, альманахах и антологиях, таких как: "Наука и жизнь", "Техника-молодежи", "Знание-сила. Фантастика", "Уральский следопыт", "Русский фронтир" и многих других. В качестве бонуса рассказ "Мой первый космический корабль". Освоение Луны и далекий космос, альтернативная история и почти наша реальность, искромётный юмор и грустные истории. Широкий спектр жанров и направлений в сборнике Александра Маркова - российского телеведущего и телерепортёра, известного своими историко-фантастическими и приключенческими произведениями, автора таких бестселлеров, как "Прелюдия к Большой войне" и "Сотри все метки". в сборнике "Кот на плече" 5 рассказов, который есть в сборнике "Рекордсмен".

© Марков А. В., 2020

© Автор, 2020

Александр Марков

Рекордсмен

Сборник

В сборнике представлены рассказы, опубликованные в период 2017-2019 гг в журналах и антологиях.

Рекордсмен

Люди в космосе малоэффективны по сравнению с роботами и слишком дорого обходятся. Они не могут самостоятельно обеспечить себя самым элементарным. При транспортировке к ним надо относиться так же бережно, как к китайским фарфоровым вазам. Им нужна еда, вода и жизненное пространство с благоприятным микроклиматом. И наконец с колонистами надо постоянно общаться, чтобы они не чувствовали себя оторванными от Земли, а то не дай бог от одиночества у них может помутиться в голове.

Роботу ничего из перечисленного не требуется. Вывод очевиден.

Но в реальности не всегда следуют логике. Иначе не объяснить, отчего я вот уже сто пятьдесят третий день нахожусь в одиночестве на Лунной базе и завтракаю, чем Бог послал, вернее ракета-носитель. Я всегда жду ее как манну небесную. Что делать, если она заблудится или ее вовсе не вышлют?

Придется идти просить подавание у соседей. Они немного смещены от меня в пространстве и времени, но преодолеть и то и другое мне вполне по силам. В семи километрах юго-западнее располагается американская стоянка тоже с единственным обитателем Норманом Дантлоу, а в пяти километрах севернее живет китайская супружеская пара Ли и Джоу Хо.

Поначалу я думал, что их послали на Луну, как и нас с Норманом, – пасти своих роботами. Вопрос заключался лишь в одном: почему двое там, где не нужен даже один? Но китайцам виднее. Однако, когда живот Джоу начал сильно округляться, этой парочке пришлось признать, что компартия КНР послала их на Луну, чтобы они осуществили великую миссию и произвели на свет первого селенита.

Американская база живет по времени Хьюстона, китайская – Пекина, а моя – по московскому. Над нами одно и то же небо с Землей и звездами, но сейчас у меня утро, у китайцев разгар рабочего безделья, а у американца – глубокая ночь.

Раньше мы из-за скуки частенько приезжали друг к другу. Я всех пригласил в гости, объяснив повод. Но китайцы по уважительной причине отказались. Джоу в дороге могло расстрять. Так рисковать лунные пекицы не могли, но пообещали, что будут наблюдать за мной дистанционно.

Где я раздобуду цветы, когда она родит? Каменный что ли сделать? Зарядить в одного из роботов с подходящими манипуляторами сказку Бажова и пусть следует инструкциям?

Зато Норман с радостью согласился приехать.

– Я уже на пенсии, так что абсолютно свободен до отлета на Землю, – сказал он.

Мое место тоже должен был занимать человек серебряного возраста. Создавалось оно специально, чтобы демонстрировать успехи программы «Активное долголетие». Но случайно досталась мне.

Я буквально за месяц до этого устроился в Центр наблюдения командовать местными уборщиками – на одну из тех ненужных должностей, которые выдумывали, чтобы хоть как-то занять население. И вдруг выяснилось, что я лучше всех подхожу для миссии: здоровье хорошее, с техникой на «ты». Слоган срочно поменяли на: «Молодым – везде у нас дорога».

Связавшись с Норманом, я выяснил, что добираться ему еще около часа. Успею без всякой спешки совершить утренний сеанс связи с Центром наблюдения.

Обычно дежурный выяснял, что со мной не стряслось ничего скверного. Но месяц назад, похоже, руководство посчитало, что держать в штате специально для бесед со мной профессионального психолога слишком накладно. Лысоватого мужчину возрастом лет под пятьдесят, который прежде донимал меня расспросами, сменила миловидная девушка с соответствующим именем Мила.

Для меня это стало неожиданностью, ударом ниже пояса. Предупреждать о таком надо. Знай я заранее, что мне предстоит общаться с симпатичной девушкой – причесался бы, побрился и умылся, и не походил на пугало.

Мила была мила. Во время сеанса она выясняла, как мои дела, что я делал, проявляя неподдельную заинтересованность к моим серым, как лунный грунт, будням, улыбалась, когда мне удавалось составить сложноподчиненную фразу.

Давно ушли времена, когда космонавты почитались, как герои. Сейчас в моде маркетологи, чиновники и предприниматели, а космонавты не входят даже в десятку популярных у девушек профессий.

Но может я просто понравился Миле?

К концу сеанса я влюбился в нее по самые уши, и с туповатой улыбкой мысленно строил планы, как через семь месяцев вернусь на Землю, приеду в Центр наблюдения на белом коне, вернее на какой-нибудь белой машине, и увезу ее прямо под венец.

Заработанных за вахту денег хватит, чтобы купить на окраине Большой Москвы недорогую двушку, и в этом уютном семейном гнездышке мы и заживем в мире и согласии.

Я готов был даже потратить все заработанные деньги на то, чтобы оплатить Миле билет ко мне на базу и пусть мы китайцев уже не обгоним, но все-таки сможем поучаствовать в демографической программе по увеличению народонаселения Луны.

Ага, разбежался.

– Какая тоска, – сказала Мила на вторую неделю нашего общения.

Весь ее оптимизм куда-то испарился. Она призналась, что в будущем видит себя ведущей какого-нибудь популярного реалити-шоу. Я ей был нужен для практики, но вел такую серую и скучную жизнь, что она никому не интересна.

– Вот если метеорит пробьет купол базы, – фантазировала Мила на тему, что привлечет внимание аудитории, – тебе придется бороться за живучесть. Это может стать основой для захватывающего реалити-шоу с ежедневными выпусками. Я бы сообщала о твоих успехах или провалах, а зрители делали ставки – сможешь ли ты выпутаться самостоятельно или придется обращаться за помощью к соседям. Мы собирали бы пожертвования, чтобы быстрее отправить тебе очередной груз.

– Еще лучше, если метеорит занесет на базу какую-нибудь космическую гадость и меня поразит неведомая болезнь, – сказал я, чтобы поддержать наш милый диалог. – Тогда все с еще большим интересом будут следить за моими мучениями.

– Да, было бы здорово, – мечтательно протянула Мила, и с надеждой в глазах посмотрела на меня.

Чтобы помочь ей я уже готов был на что угодно. Но как назло все метеориты пролетали мимо. А нет катастрофы – нет и шоу. Обыденность никого не привлекает.

– Не отчаивайся, – сказал я Миле, – придумаю что-нибудь.

Я ломал голову несколько дней, пока случайно не узнал, что в Барселоне начинается чемпионат мира по летним видам спорта. Лазейки в правилах соревнований позволяли использовать преимущества моего месторасположения. Пазл сложился очень быстро. Я рассказал о своей затее Миле. Она заулыбалась, захлопала в ладоши и посмотрела на меня таким восторженным взглядом, что сердце мое настойчиво застучало в грудную клетку, с требованием выпустить его на волю.

Взгляд Милы был лучшим допингом на свете. Ободренный, я приступил к реализации замысла.

Мне был нужен метательный молот. Казалось ведь, чего проще: берешь шар, приделываешь к нему цепь, а к ней рукоять, но, поди, отыщи все это на базе. Здесь полно электроники, а обычную железную цепь, длиной чуть больше метра, достать невозможно. Никто ведь не думал о том, что она кому-то может понадобиться.

Метательный молот! Кому пришло в голову так назвать спортивный снаряд? Молот – большой молоток, как у Тора, а эта штука на цепи больше похожа на ядро, которым сбивали мачты неприятельских судов.

Соседи мне помогли: Норман – прислал цепь, а китайцы – шар. Я не спрашивал, откуда у них все это нашлось в хозяйстве. Мне осталось лишь смастерить рукоять и собрать всё в единое целое.

– Камеры расставлены по всему стадиону. Будет отличная картинка. Ты подготовилась? – спросил я у Милы, заканчивая ритуальный сеанс связи.

– Конечно. Даже посмотрела и послушала, как ведутся спортивные репортажи. Удачи, – сказала она.

Облачившись в скафандр, я прошел через шлюзовую камеру и выбрался на поверхность. Железный шар тащился за мной, как ядро каторжанина, вот только крепилось оно не к ноге, а к руке, да и убежать я отсюда никуда не мог, даже если бы освободился от груза.

Кабриолет на дутых шинах, сверкая раскрытой солнечной батареей, которая торчала позади Нормана на уровне головы и издали казалась чем-то схожим с нимбом, преодолевал последние сотни метров до моей базы.

В сером грунте, как в детской песочнице, возились роботы. Они выискивали залежи полезных ископаемых. В перспективе здесь планировалось возвести завод по производству компонентов марсианского корабля. Он вот уже два года должен собираться на земной орбите. Но пока окончательно не согласовали даже проект завода.

Несколько роботов распустили над спинами солнечные батареи, будто стрекозиные крылья и подзаряжались, улавливая лучи света. В общем, они загорали, как на пляже, благо моря на Луне формально имелись, как и запасы воды, находящейся в замороженном состоянии, а то, что температура на пляже такая, что вместо загара получишь смертельное обморожение, роботам безразлично.

– Привет Норман! – крикнул я. Он меня, конечно, услышал, но вряд ли увидел.

Зато мое появление заметили роботы, приостановили деятельность и замерли, ожидая распоряжений. Я помахал им свободной рукой, ткнул пальцем в толстой перчатке в ближайшего и поманил к себе. Учítывая, что в другой руке я держал непонятную штуковину, то выглядел странно. Того и гляди обрушу её на корпус приближающегося робота, проверяя его на прочность. Робот, в отличие от людей, людям доверял, и без опаски подкатил ко мне, как машинка на дистанционном управлении.

Я попросил его нарисовать круг диаметром 2 метра 13 с половиной сантиметров.

Хорошо, что роботы запрограммированы выполнять любой приказ человека, пусть тот на первый взгляд и кажется глупым, и неразумным. Люди вообще глупые, неразумные и неконкурентоспособные существа. Но я об этом уже говорил.

Робот выдвинул манипулятор, крутанувшись вокруг оси, вспахал грунт, очертив круг требуемого размера.

– Молодец, – похвалил я, – свободен.

Робот покатил к своим коллегам.

Я посмотрел на стекло гермошлема, куда выводилось московское время.

Рекорд в метании молота держался вот уже четверть века не потому, что настал предел человеческих возможностей, а из-за страха. Установленный результат был предельным для

стадионов. Как кто-нибудь попадал в край сектора, вводились изменения в правила и к следующим соревнованиям молот утяжеляли. Дальность не росла, возрастал лишь вес снаряда. Соревнование на Земле зашло в тупик до тех пор, пока судьи не додумаются проводить их в чистом поле.

Вот такое чистое поле и расстиралось сейчас передо мной.

Норман остановил свой кабриолет в сотне метров от меня и выбрался на лунную поверхность. В руках у него было какое-то металлическое копье, точно он решил тоже поучаствовать в соревнованиях. Копье ведь здесь тоже можно метнуть очень далеко. Но когда он раздвинул его, оказалось, что это американский флаг, в точности такой же, какой в лунную твердь более полувека назад воткнул один из его предшественников.

– Я подумал, что будет эффектнее, если зрители будут с флагами, – сказал Норман. – Российского у меня нет. Буду тебя поддерживать американским.

– Отличная идея!

Из-за меньшей силы тяжести я мог попробовать установить рекорд по прыжкам в высоту. При каждом шаге я приподнимался над серой пыльной поверхностью на полметра, но это был почти предел, потому что в неуклюжем скафандре преодолеть планку, расположенную на высоте почти три метра, что соответствовало мировому рекорду, у меня не получится. А на базе, где можно обходиться без скафандра, этот прыжок выйдет малоэффективным, как и прыжки в длину.

Я встал в центр, нарисованного роботом круга, посмотрел на Землю, висевшую примерно под тем углом, который по законам баллистики давал для запущенного снаряда, наибольшую длину полета.

Земля – отличный ориентир.

– Ну что начнем, – сказал я, обращаясь то ли к себе, то ли к Норману, то ли к Миле, которую я все равно не слышал. Но моя аудитория была больше, ведь Мила вела репортаж на своем канале.

Я чуть расставил ноги, подсек шар, поднимая его с грунта, закрутил над головой. Накунуне я тренировался, осваивая азы.

Возле стекла гермошлема беззвучно и медленно проплыло ядро.

Я походил на звезду, вокруг которой кружится планета, привязанная, как собака на цепь. Пару раз, крутанув молот над головой, я и сам завертелся.

На третьем обороте, когда за стеклом гермошлема вновь появилась Земля, я разжал ладонь, отпуская молот в свободный полет к Родной планете. Только бы рукоятка не застряла в перчатке или не содрала ее. Придется, не дожидаясь в круге падения молота, как можно быстрее мчаться к базе, чтобы получить не очень сильное обморожение. Попытку тогда не засчитают.

А вдруг молот долетит до Земли, и тогда я стану свидетелем, как по планете из той точки, куда угодил спортивный снаряд, побегут трещины, и она рассыплется, как стеклянный плафон?

Шар и цепь чуть сверкали. Достигнув наивысшей точки подъема, молот начал опускаться. Прошло еще несколько томительных секунд, прежде чем он грохнулся в грунт, подняв тучу медленно оседающей пыли. Теперь я мог выйти из круга.

К счастью, в Землю молот не попал. Датчик передал на стекло гермошлема, что он пролетел 198 метров. Это значило, что я в 2 раза превзошел мировой рекорд. И это с первой попытки!

– Поздравляю! – услышал я восторженный вопль Нормана. Он прыгал на месте от радости, поднимаясь каждый раз примерно на полметра.

– Моо-лоо-дес! – проголосили китайцы со своей базы.

Если у арбитров, следящих за неукоснительным выполнением правил, возникнут претензии к весу молота, они могут его изучить. На Луну они не прилетят, а на Земле он будет

весить равно столько, сколько и должен весить подобный спортивный снаряд. Не моя забота, что в правилах не записано положение, согласно которому молот надо метать обязательно на Земле. Никто не подумал, что его можно бросать в других местах.

Теперь, конечно, придется внести изменения. Мой результат аннулируют. Или нет? Законы ведь обратной силы не имеют. В любом случае какое-то время я похожу среди рекордсменов.

Я подозвал к себе одного из роботов и приказал ему отнести на базу молот.

Норман, взобравшись в свой кабриолет на дутых шинах, ехал, выставив вверх свой флаг, отчего-то похожий на рыцаря с копьем. Я шел ему навстречу, широко расставив руки в стороны.

Когда между нами оставались считанные метры, Норман остановил кабриолет, выпрыгнул из него, помчался ко мне громадными прыжками и едва не проскочил мимо, так что пришлось его ловить, а после мы сжимали друг дружку в объятиях и выбивали шлепками лунную пыль из наших скафандров.

– Ооо, ты есть молоток! – Норман постепенно осваивал и русский язык, и русский сленг. – Ты есть великий спортсмен!

Он признался, что привез «горячее», тут же поправился на «горячительное».

– Откуда? – спросил я.

– А вот это зачем? – спросил Норман и показал мне свои растопыренные ладони в толстых перчатках и добавил, будто это всё объясняло: – Я же из Монтаны!

Я не пил его мутное пойло, а лишь делал вид, что поддерживаю приятеля. Спиртное с повышенными оборотами и пониженная гравитация в совокупности дают головокружительный коктейль.

– А чё, меня полиция, что ли здесь остановит и за езду в нетрезвом виде прав лишит? – спрашивал меня Норман, когда я уговаривал его не ехать в таком виде домой. Он тут же отвечал на свой вопрос: – А вот не дождутся. Да и нету здесь полиции. Нетууу!

Пока мы так мило беседовали, события во внешнем мире разрастались, как снежный ком, несущийся с горы. Земля наконец-то расшевелилась. Со мной связалась Мила:

– Молодец. Люблю тебя! – сказала она, закрыла глаза и сделала вид, что целует меня и вдруг ее губы действительно расплылись, точно прикосались не к воздуху, а к чему-то более материальному. Я догадался, что она поставила перед собой кусок прозрачного пластика, чтобы поцелуй превратился из воздушного в почти реальный. От него меня действительно пробрала дрожь. – Все, некогда, – продолжила Мила. – Меня одолевают репортеры. Я буду вести твою пресс-конференцию. Мне к ней надо подготовиться.

– Чего вести? – не понял я.

– Ты же не будешь против, если я скажу, что сама всё придумала? – спросил Мила, оставив без ответа мой вопрос.

– Валяй, – сказал я.

Я приготовился, что начальство сотрет меня в лунную пыль. Но оно и не думало метать с небес громы и молнии. Я не ожидал, что на связь выйдет сам руководитель корпорации Дмитрий Юрьевич Каратузов. Он поздравил меня и сказал, чтобы я готовился к пресс-конференции.

– Только скажи, что идею тебе подали мы, – попросил он. – Хорошо?

– Я уже обещал это кое-кому. Можно я скажу, что это плод коллективного разума? А отчего такой ажиотаж?

– Кому? – спросил он.

– Обещал, – капризно сказал я.

Я не понимал масштабов происходящего, пока мне не объяснили, что какой-то хакер вскрыл мониторы, расставленные на стадионе в Барселоне, и моя попытка транслировалась на

них в прямом эфире. То есть ее вообще видели все, кто наблюдал за соревнованиями, ну а потом ее повторили в репортажах по всему свету. Я стал главной спортивной сенсацией дня! Я вообще стал главной сенсацией дня, потому что сюжеты о том, как я устанавливаю мировой рекорд, переползли в блоки обычных новостей и шли чуть ли не в самом начале выпусков.

Меня уже не могли уволить с волчьим билетом, даже если начальство поначалу строило такие планы. А оно ведь строило...

С пару десятков национальных ассоциаций подали протест, требуя аннулировать результат. Я не был заявлен на чемпионат в Барселоне. Зато мне удалось привлечь к нему большое внимание, а это рекламные денежки. За это мне многое прощалось. Поскольку на моем скафандре и шлеме были двуглавый орел и российский триколор, над которым красным было выведено «Россия», не вызывало никаких сомнений за какую сборную я выступал.

– Ты, когда готов провести пресс-конференцию? – спросил Каратузов.

– Да хоть сейчас, – сказал я.

– Сейчас рано. Через час. Успею всех оповестить. Ты насчет того, что идея наша, помнишь?

– Коллективного разума, – уточнил я.

– Черт с тобой, говори, что Коллективного разума.

О время общения с репортерами меня поддерживал Норман. Он имел полное право сидеть рядом, поскольку участвовал в создании спортивного снаряда, а значит, тоже был частичкой того «Коллективного разума», помогавшего поставить рекорд. Иногда американец вклинивался в разговор, вставляя что-то вроде: «Он есть молоток».

После пресс-конференции я чувствовал себя героем, плечи мои распрямлялись при каждом движении, грудь выпячивалась вперед. Я представлял, как буду разговаривать с Милой на ближайшем сеансе связи, и улыбался мечтам.

Но меня буквально вогнало в ступор, когда вместо Милы, я увидел на экране прежнего лысоватого дядьку лет под шестьдесят. Я вспомнил, что его зовут Глеб, но вместо приветствия выдавил, собравшись с силами:

– А где Мила?

Неужели её мечта исполнилась, ей предложили место ведущей реалити-шоу, и она поспешила уволиться, даже не дождавшись сеанса связи со мной?

– На нее права закончились, – сказал дядька.

– Чего? – не понял я.

– Я же объясняю, это была программа. Ее использовали в экспериментальных целях. На первый месяц права предоставлялись бесплатно, а потом надо покупать лицензию. Она стоит больше моей зарплаты, поэтому меня и вернули.

Глеб говорил очень спокойно, будто это какие-то пустяки. Я едва сдерживал свои эмоции. Мне хотелось накричать на этого дядьку, накричать на всех, кто был в Центре и послать их куда подальше, потому что так поступать, как они поступили со мной, нельзя. Они сэкономили месячную зарплату психолога, а в результате, я мог съехать с катушек от разочарования и от того, что планам, которые я уже строил никогда не осуществиться. Мне хотелось выяснить, почему они не предупредили о том, что Мила – не человек, а программа? Забыли? Не посчитали нужным? Но вместо этого я спросил:

– А сколько она стоит?

– Вы что ж хотите за нее доплачивать из своей зарплаты? – сразу догадался Глеб.

– Пожалуй, нет, – чуть задумавшись, ответил я. Теперь, зная, что Мила не живой человек, а всего лишь программа, я не смогу с ней общаться, как раньше. Мне это будет неинтересно.

– Вот и отлично, – кивнул Глеб.

Моя серая жизнь на Луне потянулась, как и прежде. Впрочем, не совсем так. После рекорда образовался мой фен-клуб. Он не дает мне скучать. На Земле теперь множество жела-

ющих побеседовать со мной. Некоторые из девушек очень даже ничего. Надеюсь, что хоть кто-то из них окажется на поверку из плоти и крови, а не роботом.

Правительственную программу, направленную на установление спортивного мирового рекорда на Луне, задним числом всё равно оформили. То, что о ней прежде никто не слышал, легко объяснялось ее секретностью, чтобы о ней не узнали конкуренты, а все расходы на нее якобы проходили по закрытым статьям бюджета.

Ближайшей грузовой ракетой мне обещали доставить гору всякого спортивного инвентаря, чтобы я побил еще какие-нибудь рекорды. Рвение начальства я погасил, объяснив, что новые рекорды ни на кого не произведут никакого впечатления. Это как высадка на Луну, интересно лишь в первый раз.

На спутнике мне предстоит провести еще пять месяцев. Я застану время, когда китайская парочка, родив первого селенита, вновь заставит весь мир говорить о Луне. А пока мы с Норманом, чтобы развеять серые будни, путешествуем по окрестностям наших баз и пытаемся придумать, как бы и ему войти в историю.

Фестиваль трабунеков

– Спишь, что ли? – услышал Андрей голос своего начальника, раздавшийся буквально под черепной коробкой.

– Нет, – скромно сказал он, подыскивая что же ему соврать, но в голову так и ничего не пришло, и тогда он сказал правду, посчитав, что правда – лучше всего, – в виртуалке немного зависал.

– Ой, ерунда это всё. Надо настоящей жизнью жить. Задание для тебя появилось. Интересное.

От этих слов Андрей почувствовал такой прилив адреналина, что следующие слова произнес с дрожью в голосе:

– Какое?

– Меньше слов, а больше дела. Дуй сюда на всех парах. Я лично тебя проинструктирую.

– Сейчас буду.

Полгода назад Андрей закончил факультет журналистики Московского Университета, закачав в голову все курсы, которые там преподавались. А после того, как вся скаченная каша немного улеглась в мозгах, местами перепутавшись, но по большей части все ж, как говорится, разложилась по полочкам, он устроился на работу на телевидение. Взяли его на испытательный срок, сказав, что теперь всё в его руках и, если он сможет себя проявить, его возьмут в штат.

Проявить себя никак не подворачивался случай, а некоторые маститые журналисты лет по десять находившиеся на испытательном сроке, говорили ему, что шанс проявить себя и вовсе может никогда не представиться. В штат они не стремились, считая сам факт того, что где-то числятся на работе, в то время как можно было вовсе не работать, уже сильно выделяет их на фоне остального человечества и это их вполне устраивало. Но Андрею не хотелось превращаться в такого же бездельника.

Он совсем не понял фразу начальника «дуй на всех парах». Очевидно, она была из эпохи паровых двигателей, а этот курс Андрей совсем не закачивал. Вряд ли начальник проверял его эрудированность или намекал, что хочет лицезреть Андрея в натуральном облики, а то уж забыл, как стажер выглядит и еще – что надо быть ближе к природе, приезжать на работу на какой-нибудь реплике, работающей на паровом двигателе и ползущей медленнее, чем улитка. На них любили передвигаться так называемые регрессоры. Действительно, куда спешить? За счет оцифровки все достигли бессмертия и ждут шоу под названием «Угасание Солнца». Начнется оно не скоро, через 5 миллиардов лет и надо чем-то занять это время, чтоб не было слишком скучно. Почти везде человека заменили роботы, а люди за счет этого могли вести праздный образ жизни. Андрея это пока что не устраивало.

Он снял виртуальный шлем, лег в саркофаг, который иногда заменял ему кровать, и воспользовался традиционным способом перемещения – отправился в одно из приемных тел, которое постоянно находилось в редакции. К слову, исходное тело начальника было не в редакции, а где-нибудь нежилось в лучах виртуального Солнца. Сам он тоже пользовался приемным андроидом, персональным, точной своей копией. Андрей же оказался в теле серийном. Хорошо хоть в мужском, а не в женском.

– Я прибыл, – произнесли его уста, но голос был настолько непривычным, что Андрей невольно замотал головой, не сразу осознав, что это он так говорит.

Никого он конечно не нашел, за исключением неподвижных андроидов, стоявших по правую и левую от него руку. Все они были одинаковыми. Их скопировали с Барка Буркина – актера виртуальных постановок столетней давности. Рост 1 метр 93 сантиметра, вес 98 килограммов, волосы светлые короткие, нос прямой. Более всего он стал известен по роли Дерсу Узалы – мальчика из Тайги, выращенного медведями.

Андрей находился в точно таком же теле. Он испытывал небольшой дискомфорт, взирая на мир с непривычной высоты, потому что настоящий его рост был на десять сантиметров ниже. Он успел подумать, что вот как же неудобно будет, если на совещание соберется несколько человек, для кого в редакции персональные андроиды не предусмотрены. Они же все будут одинаковыми? Как их различать? Читать их активированные бейджики?

Андрей потянулся к кнопке, чтобы активировать свой, но Глас Небесный, раздавшийся где-то под потолком, заставил его замереть:

– Молодец. Я тебя жду. Двигай в мой кабинет. Помнишь дорогу?

– Да, – прошептал Андрей, глядя на потолок.

Ноги его дрожали. С одной стороны, объяснялось это волнением, потому что сейчас он мог получить свое первое задание. Он мечтал о нем. В виртуальных снах моделировал разнообразные ситуации, как делает репортаж посреди стай диких зверей, которые в сезон засухи дерутся за единственный еще не пересохший источник влаги или о том, как отходит от стапелей субатомно-транс-галактический лайнер.

Он споткнулся и едва не упал. Ноги его плохо слушались. Андрей шел точно на ходулях. Ничего удивительного. Мало того, что он находился в чужом теле, так еще андроид этот мог простоять недвижимым несколько дней. У любого при этом ноги затекут.

Андрей потрогал лицо и смахнул слой пыли. Точно. Андроидом не пользовались несколько дней, а роботы-уборщики так обленились, что с него даже не стирали пыль. И за что их только энергией кормят? Бездельники.

Начальник сидел в просторном кабинете, отделанном под орех. Его присутствие в конторе, пусть даже и не лично, а в персональном андроиде – было излишеством. Он вполне мог руководить процессом из дома или из какого-то другого места. Но, вероятно, ему было нечем заняться или он боялся, что его уволят на очередном заседании Совета Директоров.

– Не буду тебя долго томить. В общем, на Ганопусе завтра должны провести фестиваль трабунеков. Я признаться слабо представляю, что такое эти трабунеки. Но отдел планирования убедил меня, что с этого фестиваля может получиться хороший сюжет. Да и знаешь, ничего нигде не происходит, а эфир надо чем-то забивать. Так что «Фестиваль трабунеков» – так «Фестиваль трабунеков». Пусть народ на экзотику посмотрит. У нас все штатные корреспонденты или в командировках, или в отпусках. Я не стал кого-то из них с отдыха вызывать, вспомнил, что вот ты у нас в стажерах маешься. Ну что сделаешь сюжет?

– Конечно, – закивал непослушной головой Андрей. Ему стало страшно взваливать на себя такую ответственность, но он крепился и старался не подавать вида.

– Вот и хорошо, – сказал начальник. – Есть, правда, одна заковыка. Ганопус – планетка захолустная. Лежит она у черта на куличиках. У туристов популярностью не пользуется. Съезжаются на нее опять же на этот фестиваль лишь с окрестных планет, заселенных сплошь

выходцами с Ганопуса. К чему я это все веду? А к тому, что на ней нет человекообразных тел для переселения, а только копии местных. Ну и вправду, зачем там андроида держать, если людей на Ганопусе отродясь не было? Местные от людей отличаются, но, на мой взгляд, не очень сильно. Наш продюсерский отдел уже связался с Ганопусом и забронировал под тебя одно из пустующих тел. Мужское. Радуйся. Я-то конечно всех этих перемещенцев не осуждаю. Пусть они то в женском андроиде, то в мужском оказываются, все проще, чем в исходнике полменять, но все ж и не приветствую такое. Вот значит, а тело-то вообще последнее из свободных оказалось. Вдвойне тебе повезло. Прямо в последние минуты успели перехватить, потому что у них на фестиваль этот определенное количество гостей каждый год приезжает, и вот тела как раз под них и сделаны, а мы одного из гостей оставили без тела. Смешно. Придется ему в какой-нибудь кофеварке на фестиваль этот прибыть. Хе. Нечего попусту ушами хлопать и в хобот трубить, – усмехнулся начальник. – Радуйся, в общем, что все так удачно вышло.

– Спасибо, – восторженно сказал Андрей. Он как-то не акцентировал свое внимание на реплике начальника насчет ушей и хобота.

– Да, вот еще что. Ну, ты понимаешь же, что там наплыв местных туристов, в общем, гостиницу тебе вроде не забронировали. Сейчас проверю, – начальник сделал паузу, потом заорал во все горло; – Что там с гостиницей на Ганопусе? – взгляд его при этом стал немного отсутствующим, будто он общался с потусторонними силами, но все равно Андрею показалось, что начальник вопрос адресовал ему. Могло показаться, что он спрашивает у Андрея, а тот-то про это не сном ни духом. Хорошо еще, что промолчал, а пока с мыслями собирался, взгляд начальника стал более осмысленным и он продолжил; – Так и есть. Не заказали. Ну, зачем тебе гостиница? Дуй сразу на фестиваль, как переместишься. Мне обещали, что там все в курсе будут. А я тебя больше не задерживаю, закачивай всю нужную тебе для сюжета информацию, оформляйся в бухгалтерии и отправляйся в командировку.

– Ага, – сказал Андрей.

– На месте разберешься, что там к чему. Твоя задача – сделать прямое включение с фестиваля на вечерний эфир. Минуты на три. Хорошее включение. Ты понял?

– Сделаю, – вновь закивал Андрей. Страх уже немножко прошел.

– Тогда желаю удачи и жду прямое включение.

Душа Андрея ликовала, радость эта перешла и к его телу. Направляясь к креслу для скачивания, он уже не шаркал ногами, а шел вполне бодрой походкой. Раньше таких далеких путешествий он не совершал.

Нахлобучив на голову пластиковое ведро, напичканное всевозможной электроникой, Андрей на несколько секунд отключился. Вообще-то он мог не мучиться, не ходить сюда, а перенестись сознанием, все равно ведь через час-другой его будут внедрять в какого-то робота на Ганопусе.

Сколько он в отключке находился, Андрей не знал. Что-что, а уж при скачке информации время точно становится относительным. За доли секунды в тебя вливается терабайты всяких сведений. Потом, конечно, все это стираешь, избавляешься, как от старого хлама. Очень все-таки удобно, а то Андрей не представлял, зачем ему будут потом нужны все эти сведения о Ганопусе и тамошних традициях.

– Эй, где ты шляешься? – услышал он чьи-то слова сквозь потоки выливающейся на него информации. Он качал все подряд и стал, наверное, уже специалистом в местной истории, культуре и традициях.

– Я качаю инфу, – сказал он, так и не поняв с кем разговаривает. Вообще-то некрасиво вот так его отрывать от дела, но Андрея пока тут за человека не считали. Стажер не человек, а переходная стадия между андроидом и человеком.

– Заканчивай с этим бестолковым делом! Тебе включиться-то надо всего на три минуты, а ты качаешь в себя столько, будто решил диссертацию защищать. Передашь чего-нибудь и с

Кончик хобота ткнулся в прозрачную стенку и вот тут Андрей догадался, что находится в прозрачной герметичной кабине. В следующую секунду, будь у Андрея волосы, они непременно встали бы дыбом. Он лежал в какой-то жидкости. Это мог быть раствор, наподобие анабиозного, в котором хранилось тело, пока им не пользовались. Но ведь, когда в него вселилось сознание, раствор этот должен был автоматически вылиться.

А он не вылился! Неужели случилась какая-то авария?

Андрея охватил ужас. Ему показалось, что он начинает захлебываться. Четыре его конечности, похожие на ласты, забарабанили по стенкам кабины, которые прогибались под ударами, вибрировали, но не поддавались. Андрей заворочался. Наконец, одна из стен разошлась, как мембрана, выпустив его из этого гроба.

Но оказалось, что он по-прежнему плавает всё в той же жидкости, напоминавшей обычную соленую воду. Холодок ужаса пробежал по спине. Выходило, что и комната, где он оказался, тоже затоплена, а может под водой весь квартал и даже город. Неужели, произошла катастрофа, а продюсеры этого не выяснили и договорились, что его сознание перенесется в тело, которое находится в затопленном здании. Отдувайся теперь за их некомпетентность.

Но вообще-то он уже должен был испытывать удушье, а ничего такого не происходило. Мощными гребками Андрей бороздил глубины, никакого дискомфорта не испытывал и даже стал находить это приятным. Главной движущей силой был его нос. Вытянувшись стрелой, он всасывал воду. Проходя через все тело, вода обогащалась продуктами пищеварения, а затем выстреливалась сзади реактивной струей. Громадные уши, за которыми располагались жабры, служили рулями и помогали лавировать.

Со всех сторон Андрея окружали прозрачные стены. Ему совсем не нравилось ощущение, что он оказался в некоем подобии аквариума. Как бы не выяснилось, что выхода отсюда вовсе нет, а по другую сторону прозрачных стен находятся местные обитатели, которые пришли посмотреть на диковинку, заключенную в аквариуме.

– Рады приветствовать вас на Ганопусе!

Андрей завертелся на месте волчком, пробуя определить – где находится его собеседник, но, скорее всего, никакого собеседника не существовало, и с ним разговаривала компьютерная программа. Он удовлетворенно отметил, что все прекрасно понимает и порадовался тому, что скачивать информацию о Ганопусе начал с местного языка.

Внезапно он увидел в стене приличных размеров круглый проход. По его краям росли крохотные чуть шевелящиеся водоросли. Решив выбраться наружу, Андрей больше всего опасался, что заденет их. Он был уверен, что в этом случае обожжется или, чего хуже, получит разряд током. Из обрывочных сведений, то и дело всплывавших в его голове, он узнал, что эти водоросли использовались на Ганопусе в качестве охранной системы жилищ.

– Куда? Стойте! Да что ж с вами такое?

Услышав этот окрик, Андрей вновь завертелся на месте.

– А что? – спросил он. – Мне надо срочно на Фестиваль трабунеков.

– А вы что в таком виде на него собрались что ли? Вы что нудист? На фестиваль в таком виде вас не пустят.

– Ой, – сказал Андрей, – прошу прощения, но я плохо знаком с местными правилами и обычаями.

– Ааа, так вы, значит, и есть землянин. А я то, простите, не разобрался. Много гостей. За всеми не уследишь. Подождите, я к вам сейчас подплыву. Вы какую расцветку предпочитаете?

– Я как-то не думал об этом, – задумчиво сказал Андрей. – А какая лучше?

– Кому какая нравится. Вот мне положена ярко-зеленая.

– Тогда давайте и мне такую же, – осторожно сказал Андрей. Он не знал, о чем идет речь.

– Нет, вам в такой нельзя. Это форменная расцветка служителей городского муниципалитета. Вот, если вы поступите на работу в городской муниципалитет, тогда вам будет полагаться такая раскраска. Но вы же не собираетесь поступать на службу в муниципалитет?

– Нет, – сказал Андрей, но тут же добавил, – вообще-то я еще об этом не думал. Мне надо рассказать моим зрителям о фестивале трабунеков. Вряд ли я останусь на планете после этого.

– А зря. У нас тут очень уютно. Фестиваль трабунеков всего ничего длится. Не успеете все осмотреть. Наши гости, обычно, еще и после фестиваля остаются посетить коралловые крепости, прикоснуться, так сказать, к истории.

– Если время останется и я, может быть, прикоснусь, – нетерпеливо сказал Андрей. Он почувствовал творческий зуд.

– Вот, – к Андрею подплыло существо, похожее на рыбу без хвоста, но с хоботом и большой головой. В передних лапах, заканчивающихся длинными шевелящимися отростками, оно держало несколько разноцветных медуз. Андрей догадался, что сейчас выглядит так же, в зеркало смотреться теперь не требовалось. Сойдет. Бывают твари и похуже и даже на Земле. – Я, подумал, что, если вы репортер, надо чтоб у вас была модная раскраска. Давайте я вам помогу.

Андрей кивнул и хоботом, и головой и еще ушами, думая, что жест этот и здесь означает согласие.

Ганопусец прикоснулся медузой к Андрею. Та прилипла к коже и начала ползать по всему телу, оставляя за собой маслянистый след. Кожу чуть пощипывало. Андрей стоически переносил это испытание и старался не шевелиться. Медузы оставляли следы разного цвета.

Очень быстро Андрей оказался измазанным от хобота и до лап.

Когда процедура закончилась, Андрей хотел спросить – сколько должен за раскраску. Он не знал, как будет отчитываться за нее перед бухгалтерией. На нее ему денег не дали. Скорее пойдет она по статье «непредвиденные расходы». Но, похоже, эта опция входила в контракт по перемещению сознания. По крайней мере, служитель муниципалитета про оплату покраски не заикнулся.

– Отлично! – сказал ганопусец, осмотрев Андрея со всех сторон и отлепив медуз от его тела. Медузы уже не так сильно прилипали к коже. Они заметно потускнели и стали почти прозрачными. – Наши тоже будут транслировать фестиваль. Рад, что о нем узнают и земляне. Надеюсь, вам у нас понравится.

– Я тоже, надеюсь, – сказал Андрей.

– Тогда хорошего фестиваля трабунеков.

Распрощавшись со служителем, Андрей наконец-то смог выплыть на волю.

Вокруг него остроконечными башнями вздымались красноватые коралловые стены, изрезанные туннелями и светившиеся множеством огней. Огни исходили из раковин, которых некоторое время держали почти возле самой поверхности и там они насыщались светом. Раковины украшали кораллы, дно, часть из них складывалась в иногда понятные, а иногда совсем неведомые фразы. Например: «Приветствуем гостей фестиваля трабунеков», «Медузы от Зомшака как прилипнут, так и отлипнут» или «Без тронгада нет лексада». Андрею надо было делать репортаж о фестивале и то, что он ничего не понимал в местном рекламном рынке, его несколько не огорчало.

Ветвистые кораллы поднимались с самого дна, образуя нечто схожее с земными парками. На их ветках колыхалась трава, в которой кормились пестрые рыбки. Изредка, чем-то испуганные, они срывались с места и со всех лап мчались прочь.

Мимо Андрея проплывали хаотично раскрашенные во всевозможные цвета ганопусцы и сновали мелкие рыбешки. Какие-то из рыбешек были в намордниках. Андрей догадался, что это домашние животные, которые служат здесь эквивалентом собак, а значит в пасти у них острые зубы, как у пираний.

Раскраска Андрея, показавшаяся ему на первых порах бредом художника, специализирующегося на боди-арте, ни у кого усмешек и косых взглядов не вызывала. Напротив, пару раз он заметил восторг в глазах проплывающих.

Каждый третий из них, крутанувшись вокруг оси, пускал в Андрея струю из хобота. То ли это было приветствие, то ли таким образом аборигены выказывали ему своё почтение и, если им не ответить тем же, это плохо воспримут. На всякий случай Андрей тоже начал окатывать встречных.

Из глубин сознания возникла карта города, на которой, как в навигаторе светящимися точками обозначились его собственное местонахождение и стадион, где пройдет фестиваль трабунеков. До него было рукой подать, вернее «ластой махнуть».

– Это мое тело, вор! – на него внезапно набросилось существо, внешне напоминающее краба. Оно неуклюже восседало на чем-то очень схожем с торпедой, и хлопало угрожающего вида клешнями.

– Вы ошиблись, – сказал дружелюбно Андрей.

– Нет! Я всегда арендовал это тело. А из-за тебя мне пришлось арендовать это неудобное подобие живого существа, – не унимался незнакомец.

Андрей догадался, что это тот бедолага, у которого продюсеры успели перехватить последнее, сдаваемое в аренду тело. Но он и не подозревал, что неудачник окажется таким мстительным и будет поджидать обидчика неподалеку от конторы. На что он рассчитывал? Что Андрей отдаст ему тело? Нет уж. Не дождется. Андрей готов был защищаться всеми своими лапами и хоботом.

Вокруг них собирались туземцы. Они с любопытством взирали на происходящее.

Андрей, конечно, мечтал стать центром всеобщего внимания, но лишь после какого-нибудь удачного сюжета. А сейчас был совсем не тот случай. Скандальная известность ему не нужна. Поэтому он поспешил быстрее уплыть прочь.

– Стой вор! – кричал ему вслед краб, стараясь не отстать. Вот только с торпедой своей он управлялся совсем неумело. Для него это, видимо, было незнакомое средство передвижения.

Андрей развернулся, набрал хоботом воды, буквально раздуваясь, как воздушный шарик и выпустил по крабу тугую струю, сбившую его с торпеды. Ко дну он не пошел лишь оттого, что был привязан ремнями безопасности. Краб закачался на них, как марионетка. Торпеда, потеряв управление, унесла его прочь, как уносит лошадь выпавшего из седла ковбоя, который запутался ногой в стремени. Краб все продолжал поносить землянина, но голос его становился всё тише, да и Андрей не очень разбирался в местных ругательствах. Туземцы восприняли происходящее, похлопывая ушами. Андрей не сомневался, что так они выразили ему своё одобрение.

– Здорово ты его. На фестиваль приехал?

– Ага, – у Андрея после одержанной над крабом победы было приподнятое настроение. Он отчего-то сразу догадался, что вопрос ему задаёт туземная девушка. Размерами она чуть уступала Андрею. В её раскраске преобладали красные, желтые и розовые цвета. Ганопуска окатила Андрея легкой струей, а он ответил ей тем же.

– Ты ж не местный. Откуда ты? – спросила ганопуска.

– А что это так заметно?

– Не очень, но я угадала?

– Ага.

– Так откуда?

– С Земли, – не стал скрывать Андрей.

– Это где? Я чего-то о таком городе не слышала. Маленький? За Большим барьерным рифом?

– Не, так планета другая называется.

– Да я и про планету такую не слышала, – всё любопытствовала туземка.

– Далеко, в общем, – не стал вдаваться в подробности Андрей. Он сам не знал сколько отсюда световых лет до Земли. Прерывать знакомство не стоило. Самый хороший источник информации – это местные жители. Он не знал, как продолжить разговор, но к счастью туземка сама разрешила ситуацию.

– Поплыли, что ль тронгада поглощаем, – предложила она. – До фестиваля еще три гребка. Делать там еще нечего.

– Поплыли, – охотно согласился Андрей. Он понятия не имел, что такое тронгад, будет ли это вкусно или его свалит от желудочных болей и тогда он уж точно провалит свое первое задание. Надо рискнуть. Инструкции начальника он при этом нарушал. Тот же сказал, что надо сразу «дуть на фестиваль», но Андрей решил, что прежде лучше немного осмотреться и испытать на своей толстой шкуре местный колорит. Это явно пойдет ему на пользу.

– Как добрался? Все удачно? – навязчивый голос продюсера вторгся в его приятную беседу с новой знакомой. Звали ее Крисла. Андрей пробовал объяснить ей – откуда он и зачем прибыл на Ганопус, а она вызвалась быть его гидом и охранять от крабов, если те вздумают на него вновь напасть.

– Отлично, – сказал Андрей. Знаком он показал Крисле, чтобы она молчала.

– Ты не забыл, что через два часа должен включаться про фестиваль..., – последовала пауза, во время которой продюсер, видимо, вспоминал, какое же событие Андрей должен освещать, – трабунеков?

– Помню. Как такое забудешь?

– Молодец. Ты уже на месте?

– Ага, – соврал Андрей.

Ему одновременно пришло сразу несколько идей. Во-первых, он мог вовсе на этот фестиваль не плыть и просто пересказать во время включения обрывки тех историй, которые в себя закачал, а во-вторых – он ужаснулся тому, какое впечатление произведет на зрителей его нынешний вид. Вернее, даже не на всех зрителей, а только на его родителей, которые мечтали наконец-то увидеть сына в выпуске новостей. Впрочем, не первым он вещал из тела не гуманоида и вряд ли будет последним.

На веселый и бодрящий лад настраивал тронгад. Эту копошащуюся массу комками выстреливал автомат в виде шланга, приделанного к громадному бачку. Надо было заглатывать комки прежде, чем они разваливались на части и превращались в некое подобие планктона.

Еще утром Андрея передернуло бы от одного вида такого кушанья. Но теперь он уже немного пообвыкся в новом теле и даже, узнав, что тронгад – это паразиты, живущие в желудках местной разновидности рыб, никакого отвращения и рвотных рефлексов не почувствовал.

Андрей веселился, соревнуясь с подружкой – кто ж ловчее проглотит это угощение. Тронгад очень помогал справиться с волнением, которое всегда охватывает новичков перед первым, а то и перед вторым включением.

Андрей не помнил какие на Ганопусе суточные. Ему их сразу пересчитали в местную валюту и перевели на счет арендованного тела. Денег вполне хватало, чтобы закупить гору тронгада, а ведь по местным меркам угощение это считалось не из дешевых. Расплачивался Андрей, прикладывая хобот к бачку с тронгадом. Деньги списывались со счета, видимо, по отпечаткам. Со стороны казалось, он уже так набрался, что с этим бачком целуется.

«А что, может стоит здесь еще остаться на немного? Посмотреть все. Когда я здесь еще окажусь? – спрашивал он себя, пока продюсер что-то ему объяснял, и тут же отвечал. – Никогда. Да и когда меня опять куда-нибудь отправят?»

– Тогда свяжемся перед эфиром, – толдонил продюсер. – Связь проверим.

– Ага, – вновь сказал Андрей. Когда продюсер оставил его в покое, он продолжил разговор с Крислой; – контора звонила.

– А я думала, ты сам с собой разговариваешь, – приснула со смеху Крисла, – подумала, что у тебя раздвоение личности, а вместо фестиваля, тебя к врачу надо. Но нам уже на стадион пора.

Из глубин памяти, тем временем, всплывали отрывочные сведения о трабунеках и фестивале точно они перемещались по пространству медленнее, чем Андрей и вот только сейчас его нагнали. Таким образом, отставшая информация могла до него долететь, когда в ней уже упадет надобность или он повстречает ее на обратном пути. Лучше обо всем разузнать у Крислы. Андрей решил, что успеет расспросить ее по дороге.

Идея оказалась не самой удачной. Чтобы не мешать другим проплывающим, им пришлось держаться не рядом, а друг за дружкой. Причем стоило Андрею подплыть чуть поближе, иначе он ничего не слышал, что говорила ему Крисла, как в лицо ему была ее выхлопная струя. Запах у нее был специфическим. Не сказать, что неприятным, но все ж Андрей предпочел держаться от нее на некотором удалении.

Рассматривая раскрашенный зад подружки, он поймал себя на мысли, что картина эта ему нравится. Он старался не отстать от нее и не затеряться среди других ганопусцев, которых становилось все больше и больше по мере того, как они приближались к стадиону. Стоит ли говорить, что в такой обстановке не то что поговорить, а даже перекинуться парой фраз было проблематично.

Дорогу к стадиону указывали светящиеся полосы, выложенные раковинами на дне, но и без них заблудиться было невозможно, поскольку все двигались исключительно в одну сторону, лавируя по широким каньонам, образованным жилыми кораллами.

Основанием стадиона служил вулканический кольцевой кратер. Над ним высилась прозрачная сфера диаметром в несколько сотен метров. Вся конструкция напоминала многократно увеличенную игрушку – стеклянный шар со снеговиком или какой-нибудь достопримечательностью. В шаре была вода или раствор. Стоило его встряхнуть хорошенько, как со дна поднимались хлопья, которые в зависимости от цвета имитировали снег или осенние листья. Интересно, что поднимется со дна, если тряхнуть эту сферу? Но ее тряхнуть сможет разве что вулкан, над которым она была построена.

Сферу густо, в несколько слоев, облепили многочисленные стаи ганопусцев. Крисла, не замедляя скорости, врезалась в зрителей и начала их расталкивать боками. Андрей следовал за ней, боясь, что его затрут. Сам он не решался действовать так же нагло. В этом скоплении ганопусцев ему сделалось страшно. Он не любил массовые мероприятия и не понимал – зачем болельщики ходят на стадионы, когда можно, не выходя из своей комнаты, ощутить то же самое, что и на трибунах.

– Отличное местечко, – подмигнула подружка. Добравшись до сферы, она дотронулась до нее хоботом. – Видно все прекрасно.

Действительно видно все было как на ладони. Но Андрей подумал, что, если он так скажет, даже заменив «ладонь» на «ласта», подружка его не поймет.

Они находились прямо над центром стадиона. Правда, пока он пустовал, смотреть было не на что, а участники фестиваля прятались в тени вулканического основания, заполненного слоем придонного питательного ила.

– Видно-то хорошо, – сказал он, – но думаю, нас пустят и дальше. Я ведь буду делать про фестиваль репортаж. Мне сказали, что там, – он кинул вниз, – уже все предупреждены. Нас должны пустить. Как туда попасть-то?

– О, я об этом не подумала. Поплыли. Попробуем. Внутрь пускают через несколько мембран. Но зрителей туда не пускают. А меня пустят с тобой?

– Должны. Я скажу им, что ты моя помощница, без которой мне никак не обойтись.

Обычно, это не являлось веским основанием, чтобы пускать кого-то на мероприятие. Оставалось надеется, что ганопусцы будут более приветливы, нежели земные и колониальные службы правопорядка. Функции эти выполняли по большей части андроиды, которым просто невозможно было что-то объяснить. Если тебя нет в списке, разрешающем посещение мероприятия, для них ты не существовал.

Мембрана располагалась прямо над стенкой вулкана. Здесь совсем не было зрителей, потому что, если у тебя нет никаких надежд пробраться внутрь, смотреть отсюда за действием неудобно. По бокам мембраны лениво плавали два ганопусца в серой неприметной раскраске. Цветом она мало отличалась от естественной. По их виду было заметно, что они скучают.

Теперь уж Андрей взял инициативу в свои... лапы, попросив подружку держаться чуть позади.

– Много вкусного планктона! – поприветствовал он охранников. – Я с Земли. Буду делать сюжет о фестивале трабунеков. Пустите нас внутрь? Мне надо быть поближе к событию. Пообщаться с участниками.

– С трабунеками пообщаться? Попробуй, может чего и выйдет, – прыснул левый охранник.

Он оценивающе посмотрел на Андрея, который готов уж был разразиться длинной речью, но ему даже не понадобилось ничего пояснять насчет помощницы. Мембрана открылась.

«Как все просто», – ликовал Андрей.

Оказавшись под куполом, он перво-наперво разыскал местных телевизионщиков. Они ему сообщили, что на Земле принимают трехмерную картинку с эмоциями в режиме он-лайн.

– А чего охранник смеяться надо мной вздумал? Что я такое смешное сказал? – поинтересовался Андрей у Крислы. Ему не хотелось выглядеть полным невеждой, задавая вопросы участникам фестиваля. Но что уж поделаешь, если вся скачанная им информация в голове не отложилась.

– Да не бери в голову. Конечно, главные участники фестиваля – это трабунеки. Но они не умеют говорить. Они вообще ничего не умеют. Я уж и не помню – пытался ли их кто-то дрессировать, но из этого точно ничего путного не вышло.

– Расскажи мне про этот фестиваль, ну и про трабунеков.

Слушая свою подружку, Андрей и не заметил, как к центру арены потянулись кильватерные линии ганопусцев. Подружка сама остановилась, прервала свой рассказ на полуслове, заворожённая зрелищем. Андрей с мгновение не понимал отчего у нее вдруг глаза остеклели, уставившись в одну точку за его спиной. Но тут купол огласил настоящий рев, ввысь почти под самый купол взметнулось пара десятков ганопусцев. Они дули в громадные раковины. Звуки эти, похоже, проникали по другую сторону купола и были слышны зрителям, потому что те завертели на месте. Андрей ощутил, что тело его начинает само собой совершать какие-то танцевальные па. Рядом с ним танцевала Крисла.

Андрей уже научился различать половую принадлежность туземцев. Помимо музыкантов на арене были одни лишь девушки. Их уши были просто громадными. При каждом гребке они прижимались к телам, пеленая их словно одеждой, а потом расправлялись, точно паруса клипера, черпнувшего воздух. Такой стиль плавания напоминал медуз. Лапы они прижимали к телам и плыли, получается, лишь за счет своих ушей, не используя даже хоботов и реактивных струй.левой передней лапой они прижимали к себе светящиеся раковины, а вот что было под правой и не разглядишь.

– Какие они красивые! – восторженно и с изрядной долей зависти прошептала Крисла.

И тогда Андрей понял, что женскую красоту здесь измеряют размерами ушей. Их видимо с детства натягивают на раму, как холст, чтобы день ото дня они становились все больше и больше. На земле ведь тоже, еще до генных модификаций, пытались, кто во что горазд, изме-

нять свою внешность. Кто-то считал, что признак красоты – это маленькая ножка, другие – длинная шея, ну а третьи деформировали форму черепов.

У участниц представления уши были раскрашены сложными узорами. Медуз, наверное, пришлось очень долго дрессировать, чтобы они не просто ползали по телу, а смогли оставить такие следы.

«Ай, как жаль, что я про это не выяснил, но как-нибудь выкручусь»

Кильватерные линии встретились в центре, ушли вверх, переплетаясь, как волокна веревки, а достигнув купола, вновь рассыпались. Девушки поплыли вдоль купола все тем же стилем медуз. Среди зрителей начиналось какое-то безумие.

– Трабунеки!!! – кричали туземцы, тыкались хоботами в купол и натягивали его. Андрей испугался, что тот прорвется.

Признаться, он был бы только «за», окажись трабунеками эти девушки, а сам фестиваль неким местным эквивалентом конкурса красоты. Фраза охранника, насчет того, что «с трабунеками сложно пообщаться» играла на эту версию. Ведь Андрей знал, что с участницами конкурса красоты действительно поговорить сложно из-за многочисленной охраны, а если это и удастся, выясняется, что «ораторское искусство» они не закачали и в результате не могут связать двух слов.

Тем временем, девушки опустили почти к самому дну. Они побросали раковины в ил и те сложились в сложный и очень красивый узор, а следом девушки кинули на дно то, что они прятали под своими правыми лапами – пузыри со спорами трабунеков.

Трабунеки были быстрорастущими водорослями. За пару часов в плодородном придонном иле, устилавшем стадион, они вырастали чуть ли не до самой вершины сферы. Это зависело от сорта и от того, как рост водоросли будут поддерживать зрители. Крисла рассказала, что выводят трабунеков поколениями. Занимаются этим на специализированных фермах. Это очень трудоемкий процесс. В придонном иле стадиона они росли буквально на глазах, как тесто в кастрюле. Их форма и цвет во многом определялись мыслями участников и зрителей фестиваля, которые трабунеки могли улавливать. Номинация «самый высокий» – тоже была среди наград, но главной была номинация – «внешний вид».

Когда споры зарывалась в ил, эффект был, как он взорвавшейся петарды. Тут же вверх тянулись многоцветные отростки, они расцветали, колышущимися в легком течении, листьями, переплетались, образуя нечто схожее с моделью ДНК.

Андрей и сам поддался безумию, тоже завопил: «трабунеки!» И надо же так случиться, что именно в это мгновение с ним связались из редакции. Его крик точно там всех оглушил. Никак иначе нельзя было обосновать возникшую паузу.

– Чего? – наконец послышалось в его голове.

– Все нормально, – бросил Андрей, – только мне сейчас не очень удобно разговаривать. Что вы хотели?

– Узнать – всё ли у тебя в порядке?

– У меня всё в порядке, – сказал Андрей, добавив, – лучше не бывает.

Получилось это немного певуче, с завыванием, наложилось и возбуждение от воплей зрителей и эффект от тронгада, все еще не рассосавшегося в крови. Продюсер на Земле мог подумать бог весть что. Ну что еще можно подумать о человеке, который говорит, что «лучше не бывает», находясь в теле какого-то водоплавающего слона с лапами? Продюсер подождал пока выяснять – не понадобится ли Андрею психологическая реабилитация по возвращению, а просто пожелал ему хорошо выполнить свою работу.

– Вот ведь отвлекают, – пожаловался Андрей подруге, – на самом интересном месте. А уж затем хором они завопили: – Траааа-буууу-нееее-кииии!

Андрей так увлекся, что едва не опоздал на включение. Обратного видео не было. Он не видел ведущую в студии, а только слышал ее голос и еще различил удивленный возглас,

который она не смогла сдержать, когда Андрей возник на экранах. Она же его помнила совсем другим. Если вообще помнила. Забавно он видимо все-таки выглядит. Вот даже ведущая этому удивилась. А как удивятся родители и знакомые. Потом еще подшучивать над ним будут.

Стадион ревел. Трабунеки вымахали уже на несколько десятков метров.

Ему отвели всего три минут. Часы в голове тикали, показывая время, сколько еще остается до окончания включения. Это немного отвлекало. Ретранслятор со встроенным автоматическим переводчиком переводил его речь на привычные для зрителей языки и даже передавал в точности голос Андрея вместе с интонациями. Иначе они сейчас бы слышали лишь похрюкивание, скрип, свист, скрежетание и барабанную дробь. Именно таким без перевода казался людям язык ганопусцев.

Андрей уговорил нескольких ганопусков, открывавших фестиваль, помочь ему с рассказом. Они плавали позади него, раскрывая свои разноцветные уши. Он подозвал одну из них, задал вопрос, и та рассказала, что девушки годами готовы терпеть все эти растяжки, увеличивающие размер их ушей – лишь бы попасть в число избранных. Другая, включившись в беседу, поведала, что вся её деревня собирала деньги на самых лучших дрессированных медуз, разрисовавших ей уши.

– Мы лучшие! – крикнула она.

– Мы лучшие! – тут же заспорила с ней первая девушка.

Андрей едва успел разнять их, а то точно между ними разгорелась бы драка. Он как-то упустил, что любая драка повышает рейтинг передачи.

Показывая на уши ганопусков, он объяснял, как создавался на них рисунок, а потом еще добавил, что такими работами могли бы гордиться многие современные художники. Девушки в восторге окатили Андрея струями из хоботов, и тот пояснил, что так туземцы выражают свое почтение. Он так жестикулировал ластами, что иногда едва не выпадал из кадра.

Мешал хобот. Андрей не знал, что с ним делать и в каком положении его держать. Он вытянул хобот перед собой, пару раз случайно набрал воды, при этом реактивная струя толкнула его вперед и он, наверняка, занял весь экран. Время его включения уже истекло, но его не прерывали, и он успел рассказать и о том, как готовят трабунеков к фестивалю, и ещё о чём-то, что вспомнил, услышал от Крислы или попросту выдумал по ходу включения.

– Феерично! – связался с ним продюсер после окончания выпуска. – У нас кое-чего сле-тело с эфира. Ну, на Пранколину корреспондента заслать не удалось. Вернее, его заслали, а он туда не прибыл. Вот ищем, где ж он. Вот мы и не знали, чем время забить. Я как-то не рассчитывал, что ты сможешь чего-нибудь дельное рассказать. Вот и не сказал тебе об этом. Но ты, точно мысли мои прочитал, и говорил дольше, чем положено. Как раз сколько нам было нужно.

– Ага, – сказал Андрей.

Ему не хотелось долго разговаривать с продюсером. Работу свою он сделал. Фестиваль подходил к концу. Награждали победителей. Их только что определили, и Андрей не успел назвать их во включении. Но кого в Солнечной и окрестных системах интересуют имена ганопусцев, чьи трабунеки в этом году признали самыми лучшими? Никого. Надо заметить, что и его сейчас мало волновала такая далекая Солнечная система. Он весело болтал с Крислой о том, чем они займутся после фестиваля и куда поплывут.

«Без тронгада – нет лексада», – вспомнил он рекламный слоган. Интересно, что такое «лексад»?

Вдруг перед глазами его все помутнело, точно каракатится выпустила маскирующую жидкость. Крисла первой поняла, что происходит, ухватила его за хобот, но ведь она могла удержать только его тело, а уж никак не его сознание. В лапах у нее осталась пустая оболочка. Андрея бесцеремонно вытряхнули из тела, и он вновь летел через все эти парсеки мертвого космоса.

– Какого черта? – закричал он, оказавшись у себя дома в своем теле, лежащем в саркофаге. Его вопрос остался без ответа.

Аренду ганопуского тела оплатили до времени включения плюс час. Предполагалось, что Андрей сразу после включения поспешит на склад и вернет тело. Но его об этом не предупредили. Он думал, что его командировка будет дольше. Когда срок аренды тела истек, сознание автоматически его покинуло и вернулось на Землю.

– Какого черта мне об этом не сказали? – возмущался Андрей, связавшись с продюсером отдела внешних коммуникаций.

– Ой, ну не до тебя было. У нас тут проблема с Пранколиной, – отвечал тот. – А эти с Ганопуса теперь нам штраф могут всучить из-за того, что ты тело не вернул.

– Я бы мог аренду продлить из своих суточных.

– Да ладно. Не переживай. Твоей вины тут нет.

«Да мне наплевать на штраф».

Андрею полагался небольшой отдых после включения, а эти идиоты, работающие в отделе внешних коммуникаций, посчитали, что отдыхать ему лучше дома, а не в теле ганопусца.

«Да пошли они к черту, будут еще за меня думать. Я сам за себя подумаю».

С губ Андрея едва не сорвалось что, у всех в отделе внешних коммуникаций вместо мозгов то, что течет по канализационным трубам. Навсегда испортить с ними отношения ему помешал, вклинившийся в разговор начальник:

– Время будет – зайди. Включился ты хорошо. Поздравляю. В штат тебя берем.

– Спасибо, – сквозь зубы процедил Андрей.

Еще пару дней назад он прыгал бы от радости в виртуальном кресле и помчался подписывать контракт тут же, несмотря на усталость. Теперь же он залез в поисковую систему.

– Дебилы, – сказал Андрей, вновь адресуя ругательство отделу внешних коммуникаций, после того, как выяснил что ж такое «лексад». Он почесал пятерней макушку, потом искал информацию – сколько стоит перенос сознания на Ганопус. – Ух! – не сумел он сдержать вздох, увидев сколько нулей в сумме. Их даже сосчитать было сложно. Чтоб такую сумму набрать придется даже в штате пахать не один год. Оставалось только надеяться, что когда-нибудь вновь подвернется командировка на Ганопус. Может в следующем году опять с событиями будет не густо и его пошлют освещать очередной Фестиваль трабунеков.

Пока же ему полагались законный отдых. Перво-наперво надо было связаться с родителями и успокоить их, что в ганопусца Андрей превратился только на время включения, а то еще будут переживать.

Дубликат

Трое юкагиров спокойно стояли возле шлюзовой камеры. За плечами у всех были старые, оставшиеся еще с незапамятных времен, винтовки, передававшиеся в родах по наследству, постепенно обрастая легендами, которые рассказывали вечерами возле костров. Немного в Империи позволялось охотиться на диких зверей без всякого разрешения и лицензии. Государь, отец нынешнего императора, сказал, что в долгу перед малыми северными народами. Разрешить им жить так, как они хотят и соблюдать свои традиции – это лишь ничтожная плата за их героизм и самоотдачу, но он верит, что зверя они будут добывать ровно столько, сколько им необходимо.

Приклады винтовок были деревянными, сделанными на заказ, в отличие от серийных пластиковых. Они пообтерлись, а металлические части блестели, как носы бронзовых медведей на станции столичного метро «Площадь Восоединения», которых изо дня в день по тысяче раз натирали для счастья пассажиры. Заменить эти винтовки на какое-то новое охотничье снаряжение юкагиры отказывались, хотя им всё предлагалось абсолютно бесплатно, вплоть до

ультразвуковых шокеров, совсем не наносящих вреда звериным шкуркам. Просто юкагиры верили, что в этих ружьях живут души их предков, помогают метко выстрелить и с ними даже в самой снежной пустыне, окруженный со всех стороны завывающими волками, не будешь чувствовать себя одиноким.

Они приехали на упряжках, запряженных мехароботами, которых использовали совсем уж в крайних случаях, обычно предпочитая им оленей или собак, потому что в снежной пустыне нужен друг, а какой из мехаробота друг? Но он мог тащить упряжку в одиночку, и днем, и ночью, пока хозяин спит, укрытый шкурой. То, что сейчас как раз случай крайний доказывало недвижимое человеческое тело на одной из упряжек, укрытое шкурой оленя. Но, видимо, помощь этому человеку была уже не нужна, потому что иначе юкагиры вызвали бы медиков к себе, как это порой случалось, когда кого-то из них поражала болезнь, с которой не мог справиться шаман.

Приборы слежения донесли младшему полицейскому Стригану Скворцову, охранявшему шлюз, о приближении юкагиров еще задолго до того, как они добрались до купола. Он вывел изображение на стену, приблизил его, так чтобы лица юкагиров многократно увеличились. Один был заметно старше других. Лет под пятьдесят. Другие, стоявшие по его бокам, как телохранители, годились ему в сыновья. И они были копиями друг друга. Близнецы.

Стригану совсем не хотелось выбираться из теплой дежурки на мороз, вот принесло же кого-то на его голову. Сами юкагиры никогда не заходили в купол, чувствуя какую-то боязнь перед громадными сооружениями, накрывавшими Снежинск. Они знали, что чужие здесь, и обычно ждали, когда их кто-нибудь пустит внутрь. Они никого не просили об этом. Они просто ждали и могли простоять так возле шлюза не один час.

Пока полицейский облачался в теплую куртку, пока шёл из дежурной к воротам шлюза и пока открывал их, прошло минут пять, в течение которых юкагиры ни на сантиметр не сдвинулись с места и не пошевелились, точно замерзли, превратившись в ледяные статуи. Это их умение, да еще ружья, в которых жили духи их предков, превращало юкагиров в отличных снайперов. Полвека назад их деды дрались за Воссоединение на Северном Кавказе, а треть века назад их отцы очищали тогда еще отколотые Туркестанские губернии от вторгшихся в них отрядов террористов. Несмотря на свою малочисленность, они были одним из самых надежных оплотов Империи. Многим из них Император даровал потомственное дворянство, но они совершенно не пользовались своими привилегиями.

– Рад приветствовать вас милостивые господа, младший полицейский Стриган Скворцов, – он вскинул правую руку в вязанной перчатке к шапке. – Чем могу вам помочь?

Шлем он не надевал. Юкагиры должны видеть его лицо, а не серебристое стекло. Из-за этого изо рта у него клубами выбивался пар. За куполом было – 25 по Цельсию и этот холод особенно ощущался от того, что тело всё никак не могло забыть теплую комнату.

– Здравия желаю, – сказал старший из юкагиров. Это приветствие укоренилось среди них с началом Воссоединения. Они даже друг с другом точно так же здоровались, а фраза была одной из немногих, которую любой из юкагиров мог произнести самостоятельно и почти без акцента. Для других требовался переводчик.

Стриган рассмотрел теперь, что ошибся, прикидывая возраст старшего юкагира. Ему можно было дать лет семьдесят, а его спутники, соответственно, могли оказаться его внуками. Хотя кто там разберет – сколько им лет на самом деле. Коренные жители этих мест не пользовались никакими омолаживающими средствами, не то что генными, но и косметическими, и выглядели даже старше своих биологических лет. Юкагир мазнул себя по щеке, включая едва заметный переводчик, тянущийся прозрачной капелькой из-под лохматой песцовой шапки, и продолжил:

– Меня звать Одулок, а это мои сыновья и копии – Токер и Аник, – старик махнул рукой сперва налево, а затем направо.

Стриган от таких слов едва не присвистнул. Выходило, что старик-то непростой. Что-то такое он для Империи совершил, что его копии еще при жизни сделали. Причем две. Впрочем, малым народам всегда в Империи вольготнее жилось, чем остальным.

– Мы нашли человека. Вашего. Мертвого, – продолжал Одулок. – Мы привезли его, – он кивнул на упряжку, на которой лежало человеческое тело. – Пойдем, посмотришь.

Он развернулся, подошел к упряжке и откинул полог оленьей шкуры, так чтобы стало видно лицо мертвеца. Сковорцов от увиденного отшатнулся, потому что лицо это сплошь покрывали рваные раны. Кто-то старательно выел почти все мясо, добравшись до черепа, скалившегося теперь слегка желтоватыми зубами.

Мясистые снежинки начали облеплять лицо мертвеца, как мошкара, пытаясь, хотя бы внешне вернуть ему утерянное. Из-за этого оно постепенно становилось не таким страшным.

– Не надо, – отмахнулся полицейский, когда юкагир хотел было откинуть полог побольше, чтобы стало видно еще и тело.

Сковорцов подозревал, что и оно сплошь состоит из одних ран. Хорошо еще, что он довольно давно завтракал, а то точно его вывернуло бы наизнанку. Желудок итак недовольно урчал и содрогался в спазмах, как просыпающийся вулкан. Ничего более страшного и отталкивающего он за свою жизнь еще не видел. Как бы этот кошмар к нему теперь каждую ночь не стал являться.

– Накройте, – сказал он юкагиру и тот быстро выполнил эту просьбу.

Не ровен час, увидит кто их из купола, что здесь происходит, начнут собираться любопытные. Положим, в присутствии полицейского никто не станет приставать с расспросами к юкагирам, а то ведь по доброте душевной те могли выложить всё, что знали первому встречному. Но даже если любопытные будут лишь снимать упряжку с трупом и мехароботами, да тут же выкладывать картинку в сеть, могут пожаловать репортеры, охочие до сенсаций. Дело действительно могло претендовать на сенсацию. Зрители любят, когда им щекочут нервы.

Сковорцов начал строить версии кто мог этого человека так изуродовать. Была такая древняя китайская пытка, когда от человека отщипывают по маленькому кусочку. Вдруг его и вправду начали пытать еще при жизни, выведывая какие-нибудь тайны, но так ничего и не добились или наоборот – добились, но все равно расправились с этим беднягой, чтобы свидетелей не оставлять. Таких душегубов, конечно, еще поискать нужно. Это ж как надо озвереть, чтоб так человека изуродовать.

– Зверь его поел, – сказал Одулок, разрешив все сомнения полицейского.

«Точно, – Сковорцов едва не хлопнул себя по лбу ладонью от недогадливости. – Как всё просто объясняется. А я-то в криминалисты решил податься. В сыскари. Да они сразу бы причину раскусили. А с чего юкагир взял, что это кто-то из горожан? Как он определил? На нем ведь метки нет».

Точно прочитав его мысли, юкагир протянул Сковорцову идентификационную карточку со следами от укусов по краям. Хозяину этих зубов пластик пришелся не по вкусу, поэтому он его только покусал, но даже если бы он сумел его разорвать на куски, информация все равно сохранилась бы.

– Алексей Долгопольцев, – сказал вслух Сковорцов, просканировав документ. Тут же появилось его изображение и напоминание о том, что этот человек пропал неделю назад и его местонахождение пока неизвестно. Считалось, что близких родственников у него нет, и об исчезновении заявление поступило только, когда Алексей Долгопольцев не явился на работу в свою коммунальную службу после отпуска. Собственно, он мог попросту уехать куда-нибудь, никому об этом не сообщив, поэтому, его и не искали. На всякий случай только проверили – значится ли он среди пассажиров пневмопоездов или авиарейсов за последний месяц. В списках его не обнаружилось. На этом и успокоились, не став выискивать его по сигналам иденти-

фикационной карточки, в конце концов, каждый человек имеет право на личную жизнь, а то, что он не пришел на работу после отпуска – его дело.

Конечно, не факт еще, что карточка, найденная с мертвецом, принадлежала именно ему. Её могли подбросить, чтобы пустить следствие по ложному пути, но скорее всего, ничего криминального в этом происшествии не было. А еще Скворцов вспомнил, что точно такое же лицо, что и у Долгопольцева, было у памятника штабс-капитану Неверовскому, высившемуся пятиметровой бронзовой громадой в центре площади, названной его именем.

Для переноски тела требовался специальный холодильник, а то если внести его сейчас в купол, оно тут же начнет разлагаться. Холод уже пробирал Скворцова до самых костей и это несмотря на куртку с подогревом. Кончики пальцев в перчатках начали леденеть и превращаться в нечто, схожее с самими примитивными протезами, в которых совсем нет электроники. Юкагиры к таким невзгодам были более привычны. Они словно совсем не ощущали холод и спокойно ждали, что же им посоветует теперь делать полицейский. Долг свой они выполнили, мертвеца привезли, отдали его представителю властей и могли уезжать.

– Благодарю вас, – сказал Скворцов, – сейчас за ним придут. А я с вами останусь. Подожду, чтобы вам не скучно одним было.

Скворцов не весь свой век планировал просидеть в дежурке шлюза. Здесь вообще мог сидеть не человек, а андроид. Стригану представился отличный шанс немного попрактиковаться, расспросить юкагиров о том, где они нашли этого беднягу, не заметили ли чего-нибудь странного при этом. Но он понимал, что этого делать не стоит. Вот придут следователи – они обо всем расспросят, а его дело маленькое – сообщить обо всем случившемся в отделение полиции.

Раджив Чакнаборти был очень рад, что оказался в комнате следователей один, когда пришло сообщение о происшествии возле северо-восточного шлюза. Все его коллеги были на оперативных выездах, так что никто из них и не мог изъявить желание забрать себе это никчемное «Дело о замерзшем», как он мысленно его озаглавил. Впрочем, у каждого имелось несколько своих дел, и вряд ли кто-то стал бы обременять себя новым. На первый взгляд всё в нем было ясно. Возможно, все-таки кто-то решился бы забрать его, чтобы улучшить свой показатель раскрываемости. Но, в любом случае, досталось оно Радживу.

Приехав в Снежинск всего неделю назад из родного Бомбея по программе обмена опытом между имперскими отделениями сыскной полиции, он всё еще не привык к местному суровому климату и боялся, что никогда не привыкнет. Под куполом-то было очень комфортно, но ведь придется и наружу выходить. Новые коллеги советовали ему заняться обливанием и купанием в проруби, чтобы закалить организм. Пока Раджив на такой подвиг решиться не мог, хотя и проводил некие эксперименты у себя в квартире, наполняя ванну холодной водой. Самое большее, что ему пока удалось – это залезть в воду по пояс, после чего он тут же выскочил из нее и долго натирался махровым полотенцем, пока его темная кожа не покраснела, как у индейца.

Надобности ехать Радживу лично к северо-восточному шлюзу вообще-то никакой не было. Все ведь не там случилось, а где-то в тундре. На первых порах достаточно, чтобы мертвеца осмотрели судмедэксперты и вынесли заключение, касательно причин смерти. Вот если они посчитают, что смерть наступила из-за насильственных действий, тогда придется проводить оперативно-розыскные мероприятия, тащиться к черту на куличики вместе с юкагирами, просить их показать место, где они нашли труп и всё там подробнейшим образом осмотреть.

Он натянул термостойкие куртку, штаны и шапку, хранившиеся на всякий непредвиденный случай в шкафу в комнате сыскарей. Помимо этого, взял еще и коробку с питательными таблетками, словно собрался в длительный поход. На служебной стоянке он забрался в трансформирующуюся машину. Он могла увеличиться до объемов микроавтобуса, куда уместились

бы все юагиры вместе со своими упряжками и мехароботами. Он решил, что каким бы не оказался вердикт судмедэкспертов, просто обязан съездить на место находки. Но если юагиры будут тащиться на своих упряжках – на это уйдет слишком много времени. Он их довезет. Одновременно и служебный долг выполнит и юагиров отблагодарит. Начальство такой поступок одобрит.

Он включил автопилот и кондиционер, постепенно снизивший температуру воздуха в салоне примерно до такого же уровня, который был за куполом. Раджив полагал, что пока доедет до границ города, – успеет немного адаптироваться к погоде, тогда переход на свежий воздух не будет для него слишком болезненным, иначе в первые минуты он о деле и думать не сможет, потому что холод скует все его мысли. На внутренней стороне стекол постепенно образовывались морозные узоры. Раджив походил на чайник, стоящий на конфорке, из носика которого выбивается пар.

Сирену и проблесковый маячок он не включил и не воспользовался правом переключать на своем маршруте светофоры на зеленый свет. Водители, вернее автопилоты в их машинах, все равно уступали ему дорогу, определяя в нем полицейского. Спешить-то, впрочем, было некуда. Мертвец не очнется и из зимней спячки не выйдет. Но Раджив едва мог усидеть на месте. Водить машину он любил сам. Сотрудникам полиции разрешалось брать управление на себя. Но прежде он ездил только по Бомбею и его окрестностях, где большинство отключало автопилоты, полиция с этой напастью устала бороться, правил никто не соблюдал, а дорожное движение было хаотическим. Здесь же он боялся, что, если сядет за управление, не сможет с собой совладать и станет причиной аварийных ситуаций.

Судмедэксперты опередили его. Их приехало трое. Раджив их знал, потому что первое, что он сделал, приехав в Снежинск, это закачал в себя имена всех сотрудников полицейского департамента.

Когда шлюз выплюнул полицейскую машину на улицу, робокули судмедэкспертов уже погрузили мертвеца в холодильник, сами залезли в машину – в багажное отделение, а полицейские – записывали имена юагиров. Согласно инструкциям, надо было еще и отсканировать свидетелей, чтобы осталось их трехмерное изображение, но у юагиров было поверье, что даже фотография отнимает часть души, из-за этого она становится слабее, а демонам легче ее выгнать из тела. Поэтому в должностных наставлениях было примечание о том, что в отношении юагиров, как и других обитателей тундры, этот пункт инструкции выполнять не надо.

– Рад приветствовать, – откозырял дежурный полицейский.

Раджив ответил тем же жестом.

– Привет, Раджив, пойдем – посмотришь на мертвеца, – махнул ему судмедэксперт, жестом приглашая за собой. Его звали Николай. Радживу было приятно, что коллега знает его имя. Он по очереди пожал протянутые ему руки, после чего судмедэксперты продолжили расспрос юагиров. – Думаю, что ты парень крепкий и в обморок не упадешь, а случай любопытный, – продолжал Николай. – Кто-то им позавтракал.

– Позавтракал? – переспросил Раджив.

– Ну, или пообедал или поужинал, – в раздумье сказал судмедэксперт, – точно сказать пока не могу. Но если тебя это будет интересовать, обязательно выясню. Правда, точное время смерти будет определить теперь сложно. Там от него мало что осталось. Но зверь-то небольшой им лакомился. Писцы или лисы. Большой все бы кости по кустам растаскал. Собирай его потом по частям. Замучаешься. А так – есть у нас тело во вполне сносном состоянии. Попадались и похуже. Гораздо хуже, – Николай замолчал, видимо вспоминая какой-то случай из своей практики.

Они подошли к машине. Судмедэксперт махнул рукой, крышка пластикового холодильника отодвинулась.

Работая следователем уже три года, Раджив успел навидаться многого и к виду изуродованных тел привык. В Бомбее любой мертвец разлагался в считанные часы, если его вовремя не опылить консервирующей жидкостью, поэтому Раджив нисколько не смутили ни обнажившиеся кости ребер, на которых остались небольшие куски мяса, ни остатки потрохов, видневшиеся сквозь громадные прорехи в животе. Одежда с термоузлами во многих местах была порвана, превратившись в лохмотья, которые не надел бы и нищий, потому что теперь она совершенно не защищала от холода. Ткань прилипла к ранам и примерзла. Чтобы ее отодрать придется труп размораживать.

– Долгопольцев. Мы уже это определили, да и у него документы с собой были. Вообще-то их обычно не берут с собой, когда с природой общаться отправляются, – Николай похлопал себя по нагрудному карману, где видимо и хранились документы мертвеца. – Насмотрелся?

– Да.

– Отлично, тогда мы поехали – судмедэксперт закрыл крышку холодильника. – Со свидетелями мы закончили. Теперь они твои, – Николай показал на юкагиров, усевшихся на свои упряжки с каким-то отрешенным видом, будто всё, что здесь происходило, их абсолютно не касалось.

– Спасибо, Николай, – сказал Раджив. – Я решил, что поговорю с ними в дороге. Что зря людей задерживать?

– И то верно, – согласился Николай, но было видно, что он такому решению удивлен, однако переспрашивать не стал, догадавшись – куда собрался Раджив. – Постараемся сделать заключение побыстрее. Сброшу тебе, как будет результат.

– Буду очень признателен, – кивнул Раджив.

На лице дежурного полицейского, который все бродил неподалеку, вероятно на тот случай, чтобы всегда быть под рукой, появилось разочарование. Раджив никак не мог понять причину этого. Разве мог он догадаться, что полицейский хотел поприсутствовать на расспросе и получить, таким образом, практический опыт ведения следствия. Наглости напроситься в машину к Радживу у него, конечно, не хватило, да и не мог он бросить вверенный ему шлюз.

– Там слишком тепло, – в сомнениях сказал Одулок, когда Раджив, после того, как машина трансформировалась, предложил ему вместе с сыновьями и мехароботами разместиться в салоне.

– Нет, там холодно, – успокоил его Раджив и улыбнулся, чем разрешил все сомнения юкагира.

Мехароботы к живым существам не относились, а скорее к вещам. Но Раджив, совершенно не разбираясь в местных традициях, вернее он закачал насчет этого слишком много информации и теперь немного путался в ней, поэтому он как-то и не решился предложить запихнуть мехароботов в багажник. Вдруг он этим нанесет юкагирам смертельную обиду. Он еще успел подумать, что приедут они на упряжках, запряженных обычными собаками, а уж тем более оленями, тогда всем места в салоне точно не хватило бы. Все-таки и трансформация машины имела конечные объемы. На каждую упряжку полагалось, как минимум четыре собаки. Итого выходило, что Радживу пришлось бы решать, где размещать целую стаю. Не набьешь же собак в салон, как сельдей в бочку. Да и они точно не смогли бы сидеть спокойно, кусались и лаяли, и от такого собачьего питомника у него точно разболится голова. Про оленей и говорить не приходилось. Они не влезут в салон даже, разрубленные на части. Впрочем, они вполне могли удерживаться в кильватере машины, двигаясь по тундре самостоятельно.

Они не ехали, а плыли, потому что еще до того, как машина сползла с дороги и поползла по глубокому снегу, Раджив убрал колеса и перевел микроавтобус в режим воздушной подушки.

Юкагиры указали на карте место, где нашли мертвеца. Проехать надо было около сотни километров. Навигатор показывал, что на это уйдет почти два часа. Все молчали. Мехаро-

боты лежали с закрытыми глазами на полу, вытянув лапы, насколько этого позволяло свободное пространство, и положив на них головы.

Встречных машин совсем не было. Большую часть товаров и пассажиров перевозили поезда, упрятанные в туннели, которые местами шли под землей, чтобы не слишком уж нарушать экологический баланс в природе и не перерезать пути миграции диких животных. Раджив слышал истории о том, как звери, чувствуя, что под их ногами что-то гудит, а земля немного вибрирует, останавливались, прислушивались, кое-кто даже пытался рыть землю, скованную вечной мерзлотой, но, конечно, до туннелей никто из них так и не добирался. Иногда туннели все же выходили на поверхность и тогда поезда мчались по прозрачным трубам сверкающими метеорами.

Свет потоками лился из города, поэтому темнота возле купола не ощущалась. Почти дармовой термоядерной энергии хватало и на создание под куполом теплого микроклимата, и на освещение, которое должно было компенсировать жителям Снежинска нехватку солнечных лучей. Ночь в городе наступала гораздо позже, чем за его пределами. Эта энергия питала теплицы, растянувшиеся на десятки километров вокруг города, создавая тем самым некую зеленую зону, где круглый год выращивались овощи и фрукты, которых вполне хватало и почти миллионному Снежинску и окрестным поселениям.

Когда эти огни остались позади, постепенно растворяясь в темноте, как последние лучи Солнца, закатившегося за горизонт, Раджив вдруг ощутил, что находится на корабле, затерянном в бескрайнем и враждебном океане.

За бортом попадались редкие кустики. Где-то они образовывали густые заросли, среди которых укоренились даже чахлые деревца, тянувшиеся ввысь кривоватыми, точно изъеденными артритом, ветками.

Машина, сканируя пространство, объезжала эту поросль стороной, сползала по небольшим горкам и поднималась по их склонам, при этом двигатель начинал урчать сильнее и надсаднее. Из-за этого звука мехароботы делали вид, что просыпаются. Они поднимали тупые морды, смотрели на своих хозяев и ждали пояснений. Юкагиры, успокаивая, хлопали их по бокам и головам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.